

ЕЕ

Вишняка

18+

ПЕНЕЛОПА БЛУМ

Modern Love

Пенелопа Блум

Ее вишенка

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Блум П.

Ее вишенка / П. Блум — «Эксмо», 2018 — (Modern Love)

ISBN 978-5-04-113379-5

Хейли владеет нью-йоркской пекарней. В свои двадцать пять она не может похвастаться списком воздыхателей. Сестра и помощник все время шутят: так и умрешь девственницей. Но Хейли нет дела до дружеских подколов. Нужно платить за аренду помещения и спасти пекарню, которая совсем не пользуется популярностью у клиентов. Все меняется, когда Уильям, молодой симпатичный миллионер, решает купить вишневый пирог Хейли. И вот уже золотое сердце безвозвратно принадлежит юной предпринимательнице. Бесконечные счета, угроза закрытия пекарни, родительские козни — лишь часть проблем, с которыми столкнется Хейли, которая никак не решит, кому же достанется её вишенка.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-113379-5

© Блум П., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пенелопа Блум

Ее вишенка

Глава 1

Хейли

«Печь пироги – от хандры лекарство» – так говорила моя бабушка, когда ставила тесто. Бабуля у нас прелесть, и за ее пироги можно дьяволу душу продать, но вот тут она ни разу не права. У меня свой маленький бизнес – магазин-пекарня; два с лишним года я каждый день снимаю с противней свеженькую выпечку: вишневые пироги, пирожные, круассаны, бублики и прочую вкуснотищу. И поверьте мне: единственное, от чего такое лекарство может вас избавить, – это от тонкой талии... ну и от пристрастия к диетам. Ни от чего другого.

Я вовсе не хандрила. Просто мне недавно стукнуло двадцать пять, и я вдруг задумалась – сколько же можно ждать, пока счастье само постучит в окошко? Вы, конечно, скажете – поздно задумалась, только меня всегда учили: усердно работай, не задирай нос, будь хорошей девочкой – и все сложится как надо!

Вот я и плыла по течению; а время между тем бежало быстрее и быстрее. И если ничего не изменится, я и оглянуться не успею, как стану уже не двадцатипяти-, а восьмидесятипятилетней девственницей. Достигну вершин кулинарного искусства – мои кексы будут вызывать оргазм...

В общем, выпечка у меня замечательная, а личная жизнь – нет. Конечно, я мечтала о счастливой любви, в глубине души понимая: если откладывать все на потом (как с зубной нитью – достаешь ее только перед тем, как пойти к стоматологу), то в конце концов превращусь в злющую, сварливую, несчастную старую деву.

Печь пироги – ничего сложного. Возьмите того, добавьте этого, выпекайте при такой-то температуре, пусть постоит столько-то. Это наука; есть исходные данные, есть технология, следуй правилам и получишь результат. Вот это мне и нравилось. Пекарня была моим убежищем, и если бы моя сестра и Райан, мой единственный помощник, не тыкали бы мне постоянно на отсутствие других интересов, я бы, наверное, с головой ушла в эту науку и потерялась бы там. Вот что я делаю в выходные? Покупаю на рынке свежие продукты (у меня есть постоянные поставщики, местные фермеры), пробую новые рецепты, стараюсь улучшить те, что есть.

Пироги-пирожные – моя жизнь. Может, в моих жилах бежит не кровь, а вишневый сок? Ну, по крайней мере, лицо у меня чаще в муке, чем в макияже.

Пироги-пирожные. Моя жизнь. Хотелось думать, что когда-нибудь одно от другого отделится, что все мои скромные мечты – расширить магазин, довести до совершенства рецепты – каким-то образом приведут меня к тому счастью, которого мне не хватает. Иногда мне казалось, что я живу в клетке из сдобного теста – на вкус неплохо, но все-таки клетка.

Да, мне нравилось то, чем я занималась, однако – бабуля, дорогая! – лечение тут ни при чем. Чтобышний раз в этом убедиться, мне стоило только взглянуть на старый потрепанный учебник, подложенный под ножку печи. Я училась по нему в колледже (отделение социологии, диплом пылится где-то в шкафу). Печку я купила по случаю; она повидала виды, и одна ножка у нее была короче других – как раз на толщину этого учебника. «Морская биология и динамики редких экосистем». Взяли несколько умных слов, перемешали в блендере и решили, что студенты поумнеют, просто таская учебник с собой! Для пущей важности наклепили на него солидный ценник: «триста долларов». Когда в библиотеке колледжа мне предлагали выкупить его за десять, я им сказала: идите вы на фиг со своими деньжищами!

Ну, вообще-то я *подумала* «идите вы на фиг». На самом деле я вежливо улыбнулась и сказала «спасибо, нет»... а потом по дороге домой все пыталась успокоиться – слушала последние треки Мэтта Косты. Ведь несправедливо грубить человеку за стойкой, если от него ничего не зависит; я давно работаю с клиентами и знаю это по себе.

В общем, учебник исправно служил мне уже более шести лет. Не хотят возвращать триста долларов – так я найду способ на эти триста долларов его использовать! Во-первых, я им подпираю дверь в свою комнату в общежитии колледжа. Толстенный фолиант всем ужасно мешал, на него налетали, об него спотыкались и чуть ли не разбивали носы, падая – однажды я даже обозвала его жирдяем, когда расшибла палец; это, конечно, было уж слишком, но не извиняться же перед учебником! А когда не подпираю двери, подрабатывал убийцей пауков. Изголовьем – когда кошка уделала мне подушку. И я в нем почти все поля изрисовала чертиками. А сейчас? А сейчас он лежит в основании моей печи. Можно сказать – в основе моего бизнеса.

Ну, может быть, я немного преувеличиваю. Но если задуматься – что с правдой, что с тестом люди обращаются одинаково. Не хватает – растянуть, лишнее – отрезать, взбить немного и... вуаля! Вы с удовольствием глотаете и то, и другое. Вкусная правда. Вкусный кекс.

В общем, я бы сказала, что за все эти годы, по крайней мере, долларов двадцать учебник отработал. Осталось отбить еще двести восемьдесят – сущие пустяки! Все остальные дорожащие учебники я продала за бросовую цену.

Ах да... была еще одна причина, по которой я хранила эту дурацкую книгу. В ней я в первый раз написала *его* имя, а рядом нарисовала маленькое сердечко. Ее я прижимала к груди, прямо над быстро бьющимся сердцем, когда однажды после занятий *он* впервые заговорил со мной. Нэйтан. Как я мечтала о нем... пока не узнала поближе. А потом не могла отвызаться – он преследовал меня хуже всякого маньяка, это был просто ад какой-то. Вот благодаря кому (по крайней мере, частично) я осталась девственницей. Не знаю, существует ли такое явление, как «посттравматическое нервное расстройство после общения с конкретным придурком», но если существует, то это у меня после Нэйтана.

Всех обладателей пениса я стала обходить стороной. А учебник сейчас лежит у меня на самом видном месте. Такой предупредительный знак: «Пениса остерегайся, к опасности путь сей ведет».

Я посыпала противень мукой, выложила на него последний вишневый пирог и сунула в печь. Пирог выглядел идеально. Я к своему делу отношусь серьезно! У меня тетрадь с рецептами; есть классические, есть экспериментальные – нужно перепробовать все, чтобы получился идеальный баланс вкуса и текстуры. Целые страницы о разнице между «стакан сахара», «стакан с горькой», «неполный стакан» или «добавить полстакана разом», и все в таком духе. В этой науке я профессор. Не чокнутый, но одержимый. Гений кексов и пирожных! Уж если люди приходят ко мне в магазин за сладеньким, то пусть не сомневаются: здесь каждая сдобная булочка – маленький шедевр.

И все же меня не покидало чувство пустоты: пробралось глубоко в сердце и свило себе там гнездышко. От этого работа не лечила, но заставляла к чему-то стремиться. Я была уверена в своих талантах и строила планы расширить магазин. Вот только бы сначала как-то умудриться оплатить счета... Впрочем, если бы завоевать мир было легко, это сумел бы каждый.

В дверях появилась Кэндис, моя младшая сестра. Она работает редактором в журнале «Бизнес-идеи» и всегда заходит ко мне по пути в офис – за бубликом. Она почти вприпрыжку подбежала к прилавку; короткие светлые волосы колыхались в такт торопливым шагам. Сдвинув темные очки вверх на волосы, Кэндис приветливо подняла бровки.

Я отряхнула руки от муки и на всякий случай слегка пнула учебник. Пнуть бы *кое-кого другого*... но пришлось – учебник. Жаль, что он не работает как кукла вуду.

– Как поживает наша непорочная Хейли? – ласково спросила Кэндис.

– Хочешь, чтобы я плюнула на твой бублик?

Примерно раз в месяц Кэндис заговаривала на эту тему, наверное, в те дни, когда я выглядела особенно уставшей.

– О-о-о, слюна девственницы! Говорят, она обладает магической силой. Плюнь разочек и сырным кремом намажь.

– Ах ты язва... Конечно, обладает. Фригидность заразна и передается со слюной. Если ты на это намекаешь.

– Хм. Тогда я пас.

– Слушай, ты бы не трубила на каждом шагу о моей непорочности? Совсем не обязательно, чтобы все были в курсе.

– Кто это – все? Райан с Бабулей?

– Вот паршивка, – пробормотала я.

Отвернулась и стукнула кулаками по шарикам теста. Не то чтобы этого требовала технология – для идеальной консистенции, но снять стресс помогало.

– Ну, может, и еще кое-кто...

– Ты же обещала не говорить о нем, забыла? – спросила я.

– Вредно держать все в себе, Хейли. Ты что, никогда не смотрела «Я, снова я и Ирен»? Там Джим Керри тоже думал, что надо держать все в себе, и что с ним случилось?

Я пожала плечами.

– Что-то ужасное?

– Именно... Ты чертовски права. У него развилось раздвоение личности – в общем, спятил парень. Появилось второе «я» – мерзкий чувак по имени Хэнк. А у тебя будет Хэнкетта... Поселится в твоём теле, будет делать всякие пакости. Оно тебе надо?

– Вопрос риторический?

Кэндис облокотилась о прилавок и смотрела на меня, как смотрят на несчастную подстреленную зверушку.

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

– А я хочу, чтобы моя сестра поменьше беспокоилась о моей несуществующей сексуальной жизни и побольше о том, что действительно имеет значение.

– О, конечно, секс не имеет значения!.. Ты хочешь сказать, что вся история человечества – это сплошная ошибка? Экстренное сообщение! Прячем члены в штаны и под замок! Формочки для фаллоимитаторов – на свалку! Сдвиньте ножки, все кончено. Мы придавали сексу слишком большое значение!

– Формочки для фаллоимитаторов? Что, такие бывают?

Она пожала плечами:

– А как, ты думаешь, их изготавливают?

Я свирепо глянула на нее:

– Да мне наплевать! Я не собираюсь бежать и трахаться с кем попало.

– А может, как раз пора... Тебе уже двадцать пять долбанных лет. Самый подходящий возраст построить что-то стоящее, можно сказать, поворотный момент. У тебя, девочка, слишком высокая планка. Вынь голову из задницы и дай волю чувствам!

– «Вынь голову из задницы и дай волю чувствам»... О мудрая Кэндис! Может, написать это на твоём надгробии?

– Кто сказал, что я умру раньше тебя? Это я напишу на твоём: «Здесь покоится несчастнейшая в мире старая дева. Не лежать бы ей на глубине шесть футов, кабы подпустила она парня на его шесть дюймов».

Я схватила с витрины бублик и намазала его толстым слоем сырного крема. Кэндис не любила много крема, но мне уже было все равно. Завернула в вошеную бумагу и протянула ей.

– Ты закончила? Держи свой бублик. Сейчас должен заявиться Райан, и спасибо тебе – он меня еще больше злит; все норовит с кем-нибудь познакомиться. Так что заткнись и передай ему эстафету.

Она взяла бублик.

– Райану я рассказала по одной-единственной причине – я надеялась, что он получит твой Первый Приз. Вишенку с торта. Вишенка-то еще не заплесневела? Откуда мне было знать, что он у тебя вечно будет Другом, а потом превратится в Мистера Сводника?

Я поморщилась.

– У тебя просто талант говорить гадости. Даже слушать противно!

– Ты зато милашка!.. А это что такое? – Она взяла в руки надорванный мною конверт, валявшийся на прилавке.

– Ничего. – Я выхватила у нее конверт. – Реклама.

– Ах, реклама... Эту рекламу не обойдешь, не объедешь – *уведомление о выселении*. Ну что ж, девочка, оставайся недотрогой.

Кэндис послала мне воздушный поцелуй и с бубликом в руке направилась к выходу.

Она ушла, а я посмотрела на письмо. Уведомление гласило, что в недельный срок я должна заплатить за квартиру, иначе меня выселят. Пока что я не представляла, как ухитриться это сделать, потому что в ближайшие две недели надо было оплатить еще и аренду магазина за третий квартал. Я вздохнула. Мне всегда удавалось держаться на плаву, а что еще нужно? Больше поработать, больше клиентов привлечь... Справимся!

Я хорошенько встряхнула миксер, он заворчал и начал взбивать тесто, как ему и полагалось. Почти вся техника в пекарне далеко не новая, зато моя собственная. Ужасно приятно сознавать, что я здесь приложила руки буквально ко всему. Магазин был моим детищем, а вишневые пироги, которые я вынимала из печи... внуки, получается? Что за idiotские мысли лезут в голову; какие, к черту, внуки? Я любила пекарню, и даже если бы остальной мой мир рухнул, уж на нее-то можно было рассчитывать. Мое маленькое святилище... Даже если порой оно напоминало клетку.

Райан явился вовремя. Как всегда. Этот парень начал работать у меня сразу после колледжа. Пришел весь такой невероятно красивый, прямо-таки обворожительный, но почему-то с самого начала нашего знакомства я воспринимала его как младшего братишку. Должно быть, он чувствовал то же самое, потому что, когда мы начали работать вместе в пекарне, сразу стали общаться как брат и сестра. Будто в детстве нас разлучили, а теперь мы встретились. Он пытался помочь мне наладить мою жизнь, а я старалась уберечь его от неприятностей. Надо сказать, вляпываться он был мастер.

У Райана крепкое телосложение и сильные руки мужчины, который много в своей жизни теста помесил. Бритая голова, карие глаза, несколько татуировок.

– Ну что, на свидание вечером идешь? – спросил он.

– Знаешь, Кэндис тут только что зажигала на эту тему. Может, сегодня пропустим беседы о девственности?

Я начала аккуратно снимать пироги с противней.

Он подошел ко мне мягким шагом, облокотился о прилавок, легонько похлопал меня по руке. Посмотрел, как обычно, с таким сочувствием, что я в очередной раз подумала: все-таки он милый!

Пусть мне и надоели постоянные попытки Райана познакомиться со мной с кем-нибудь, но я всегда знала, что он искренне хочет помочь... ну как на него сердиться?

– Слушай, вот что тебе надо сделать. Сегодня выбираешь парня! Любого. – Он широко улыбнулся, будто ему в голову пришла гениальная идея. – Первого, кто купит вишневый пирог. Просто как объект. И немного пококетничай с ним. Не надо говорить о свидании или о чем-то конкретном. К примеру, сделай ему комплимент. Увидишь, все пойдет как по маслу!

Я вздохнула:

– А вдруг у этого парня какие-нибудь дурацкие усы? Или он сопли рукавом вытирает?

– Ладно, пусть будет первый парень, который купит пирог и от которого тебя не тошнит... Так нормально? И потом, какого хрена вытирать сопли рукавом? Ты что, часто с такими общаешься?

– Смешно, – сказала я, торопясь отвергнуть его идею, пока он не подумал, будто я согласилась.

Похоже, и он, и Кэндис полагали, что секс решит все мои проблемы. Я-то вовсе не была в этом уверена. Ну да, конечно, смешно – вишневые пироги девушка раздает направо и налево, а свою драгоценную вишенку бережет непонятно для кого.

– Не смешно, – сказал Райан. – Хейли, я не шучу. Давай пари!

– Пари?

– Знаешь, сколько у меня отгулов накопилось?

– Да... – произнесла я медленно, начиная опасаться: к чему это он клонит?

– Или ты кокетничаешь, или я беру отпуск на всю неделю ярмарки!

Меня охватила паника. Пекарня недалеко от центра Нью-Йорка, и покупателей у меня хватает, но конкурс печенья Шеффилдской ярмарки... Для кондитеров это такой шанс, такая реклама! Победителей показывают на телеканале «Фуд Нетворк», даже снимают про них фильмы. Это сулило море новых заказов, и Райан знал – кроме него, некому помочь мне с материалами и подготовкой.

– Ты не сделаешь этого, – сказала я.

– Еще как сделаю! – Он пожал плечами. – Непорочная ты наша, ответь-ка мне на единственный вопрос... Ты счастлива?

– Ах ты засранец! – простонала я.

Он был дико доволен собой: загнал меня в угол.

– Так что, пари?

– А у меня есть выбор? Только давай, как договорились – правила не менять! Мне просто надо сказать что-то кокетливое. Один раз. И все.

– О большем и не прошу... пока что.

И мы заговорили о другом. Обычная болтовня, как всегда по утрам; если, конечно, не считать дурацкое пари. Такой наезд... Для обычно деликатного Райана это было что-то новенькое. Впрочем, через пару минут я напрочь обо всем забыла.

Мы с ним подготовили витрину, напекли хлеба (хлеб черствеет гораздо быстрее, чем пирожные) и успели сделать партию бубликов. По утрам бублики расхватывают быстро; многие покупатели берут заодно и хлеб, и пироги к обеду.

Сегодня (да вообще-то почти каждое утро) первой к нам заглянула Джейн. Клянусь вам: у нее нарядов больше, чем дней в году! И не каких-нибудь, а классных и модных. Вот не припомню, чтобы два дня подряд видела ее в одном и том же. Джейн где-то за сорок, она – просто воплощение всего того, на что мне хотелось бы надеяться... хоть когда-нибудь. Энергичная. Яркая. Уверенная в себе и очень элегантная. Вряд ли она хранит какой-нибудь старый учебник и пинает его иногда, чтобы выместить злость на бывшего парня.

Я взглянула на испачканный мукой фартук и свои унылые джинсы. Под фартуком – простая розовая рубашка, на груди – название кондитерской: «Веселый пекарь». И логотип – маленький пухленький человечек в поварском колпаке улыбается и пускает мыльные пузыри. Может, какое-нибудь другое название подошло бы больше, допустим, «Пекарь вас в упор не видит» или «Непорочная Хейли», но сомневаюсь, что это был бы удачный маркетинговый ход.

Джейн сказала спасибо и, как всегда, отпустила свою фирменную шутку:

– Ну, я полетела, а то по дороге все пробки соберу. – Она хохотнула. – Не в буквальном смысле, конечно.

Мне всегда хотелось понять – что именно она считает смешным, «в буквальном смысле»: что сейчас и в самом деле полетит, уж не знаю на чем, или что будет винные пробки собирать по дороге? Так или иначе, я улыбнулась и помахала ей на прощание.

Время шло быстро. Один за другим заходили покупатели: постоянные, полужнакомые и незнакомые вовсе. Я в основном занималась пополнением запасов, Райан отпускал товар. Что называется, работа с людьми. У Райана это лучше получается. Нет, я хорошо отношусь к людям, но я их... отпугиваю, что ли. До знакомства с Нэйтаном я заводила друзей «слишком много и слишком быстро», после него моим девизом стало «ни с кем и никогда»; ну а теперь имеем то, что имеем, – одиночество.

Прозвенел колокольчик над дверью, и я обернулась – поздороваться с покупателем, по крайней мере, кивнуть ему и улыбнуться. Однако, увидев его, застыла на месте. Высокий, широкоплечий. Темные непослушные волосы лежат ужасно небрежно – этаким обязательный атрибут крутого парня. Никакой укладки, просто лохматый тип... но выглядело все это невероятно сексуально! Торчащие во все стороны лохмы словно бросали вызов, что-то типа: «Да на фига мне расчески, гели... и без того есть что показать».

И я бы с этим, пожалуй, согласилась – насколько мне было видно парня с того места, где я стояла. Одет в костюм – я думала, так костюмы носят только плохие парни из фильмов. Солидный вид? О нет – на рубашке слишком много пуговиц расстегнуто. На груди и руках татуировки. От его ладной фигуры веяло уверенностью и своеобразием, и не заметить этого мог только слепой.

Я? Ну да, я не слепая. Так и застыла с открытым ртом, тарасилась на него как дура, даже шевельнуться не могла. И тут до меня дошло: Райан нарочно его игнорирует!

Незнакомец смотрел на меня; никогда в жизни я не видела таких потрясающих синих глаз! От этого взгляда прямо сердце замирало. Медленно поднял бровь. Казалось, время затаяло дыхание... Сколько уже тянется напряженная тишина? Три секунды? Четыре?

– «Веселый пекарь», – задумчиво произнес посетитель чудесным глубоким голосом с мужественной хрипотцой. – Не похоже. «Пекарь-тормоз» было бы в самый раз.

Вот тут я поняла, что чувствуют рыбы, когда их вытаскивают из воды. Плывут они, как обычно, по своим рыбьим делам, и вдруг – бац! – все меняется в одно мгновение! Даже если им потом удастся выпрыгнуть из лодки, они всегда будут знать: там, над водой, существует странный и удивительный мир, а в моем случае – этот мегасексуальный парень. И теперь все остальные будут казаться дешевой подделкой.

Он кашлянул.

– Или магазин закрыт, а вы просто забыли запереть дверь?

Звук его голоса вернул меня к реальности. Я закрыла рот, сглотнула (хотя в горле пересохло) и как нормальный человек – а мне хотелось им выглядеть – произнесла:

– К вашим услугам... – Заметила веселый огонек в его глазах и быстро добавила: – Да, магазин открыт.

– Вижу, – произнес он с расстановкой. – У вас бублики есть?

– Вообще-то... – Райан подскочил к прилавку. На лице у него ясно было написано: «Хейли, у тебя проблемы». – Бубликов нет. Могу предложить вишневый пирог. Уверен, вам понравится. Только что испекли, очень свежий... так сказать, сама девственность. С вишенкой.

Парень скользнул взглядом мимо нас обоих – по куче бубликов, которые мы уже вынули из печи, но еще не нарезали и не разложили.

– А вот эти...

– На витрине? Совершенно несъедобные, – сказал Райан. – Вы зубы свои замечательные испортите, если попробуете съесть.

– А зачем мне в девять утра вишневый пирог? – спросил незнакомец.

– Ммм, ну... – запнулся Райан, – возьмите на работу, угостите коллег. Вы ведь где-то работаете?

– Да. Работаю. – Похоже, посетитель начал терять терпение.

– Не сердитесь на него, – вдруг ляпнула я. – Он просто пошутил! Нормальные бублики. Вот!

Достав с витрины бублик, я хорошенько откусила от него. Зря я это сделала! Пришлось жевать у них на глазах... ужасно неловко. Райан и парень растерянно на меня смотрели.

Я поперхнулась, прокашлялась и тихонько повторила:

– Очень даже съедобные...

– Пожалуй, возьму один очень даже съедобный бублик. Будьте добры, ненадкусанный.

Мне вдруг страшно захотелось, чтобы кровь перестала бежать у меня по жилам. Тогда бы она не прилиwała к щекам, они и так уже пылали, краснее не бывает. Я даже не спросила, какой он хочет бублик, просто бросила штучку в пакет и положила на прилавок.

– И это... девственность вашу, с вишенкой. Заверните, беру.

Я чуть не подавилась, глотая прожеванное, закашляла, засипела, и Райану пришлось стукнуть меня как следует по спине.

– С вишенкой? – переспросила я.

Как, черт подери, он узнал, что я девственница, и вообще, как можно? Просто зайти прямо с улицы и сказать такое? Даже если...

– Свежий вишневый пирог, – повторил он слова Райана.

Я чуть сквозь землю не провалилась, а парень смотрел на меня совершенно невозмутимо, и я заподозрила – он вовсе не случайно так оригинально выстраивает фразы!

Я упаковала пирог в коробку и поставила на прилавок. Райан подтолкнул меня локтем – решил, что я забыла, зачем он уговорил парня купить вишневый пирог.

Ничего я не забыла...

Парень расплатился и направился к выходу. Словно невидимая рука стиснула мне горло. Наверняка это было божественное вмешательство; что бы я ни произнесла в этот момент, прозвучало бы ужасно глупо.

– Подождите! – Райан опять толкнул меня локтем. – Девушка хочет вам кое-что сказать.

Парень оглянулся, скосив на меня глаза. Судя по выражению его глаз, он совершенно точно знал, что сейчас творится у меня в голове. *И что происходит с моим телом...*

– Вы не сказали, как вас зовут, – произнесла я.

На лице Райана ясно читалось: *«Это ты называешь – кокетничать?»*

Я его проигнорировала. *Это только начало, понятно тебе?*

– Уильям, – ухмыльнулся парень. – А вас, видимо, Вишенка?

Просто чудо, что я не грохнулась в обморок, потому что вся кровь (сколько ее там в моем теле) прилила к лицу. Он знал, что я девственница. Не знаю откуда, но знал! Наверное, у мужчин существует тайное общество, где имена девственниц передаются из уст в уста... Или по мне это сразу видно?

Я понимала, что Райан не даст мне сорваться с крючка, ведь я просто спросила «как вас зовут», а это никакое не кокетство. Поэтому изготовилась к решительным действиям: вперед, Хейли, надо флиртовать!.. И это походило на попытку запустить старую, ржавую машину, двадцать пять лет стоявшую без дела.

– Да как хотите, – сказала я.

Я почти что – *почти* – положила руку на бедро, изображая знойную соблазнительницу, но даже мне было понятно, что это перебор. Я практически чувствовала, как Райан позади меня пополам сгибается от еле сдерживаемого смеха.

Надо же, Вишенка! Что я ему, ночная бабочка? Ужас! Но каким проникновенным тоном я выдала свою реплику... до конца жизни не забудет.

Парень развернулся и посмотрел на меня с бóльшим вниманием, его глаза сузились. Если он и заметил мое смущение, то виду не подал.

– Осторожно, могу поймать вас на слове.

Райан тыкал меня сзади кулаком, что только мешало мне сосредоточиться.

– Правда? – спросила я.

А вот это прозвучало неуверенно. Черт, только начала набирать очки в нашем обмене любезностями и тут же все испортила. Впрочем, Уильям, казалось, не заметил этого, или ему было все равно. Он просто стоял, никуда не торопился и внимательно наблюдал за мной. Взял в зубы бублик, осторожно сунул под мышку пирог и вдруг шагнул к прилавку. Там стояла декоративная ваза с цветами; под изображением танцующей богини в веночке, во избежание всяких ошибок, на вазе было написано: «Флора». Так вот он подхватил эту вазу, дружески кивнул мне и направился к выходу.

– Какого черта? – воскликнула я.

Я глазам не поверила: мои цветы крадут!

– Простите, – сказал он – бублик в зубах заглушал его слова. – Я, знаете ли, ворую... это болезнь.

И не моргнув, не улыбнувшись, вышел.

– Вот это да! – Райан несколько раз хлопнул в ладоши.

Я не собиралась к нему присоединяться.

– О красавец-мужчина! Одним махом и вишенку, и цветочки! Де-флорировал... Респект!

Я спрятала лицо в ладони и шумно выдохнула.

– Вообще-то за вишенку он заплатил. А цветы... да, украл.

Райан рассмеялся:

– Ну ты оторва!

Я шлепнула его по руке, но тоже усмехнулась:

– А ты чудовище! И вообще все из-за тебя, понимаешь?

Райан подошел к тому месту, где стояла ваза, и подобрал что-то похожее на визитную карточку.

– Ну да, из-за меня... Я вызвал Тора, а Тор решил за тобой приударить и оставил свой номер телефона.

– Дай сюда! – Я выхватила у него визитку.

– Уильям Чамберсон, генеральный директор, – прочитала я медленно. – «Галеон интерпрайз»? Знаешь такую компанию?

– «Галеон»? – Райан взял карточку у меня из рук. Внимательно прочел и пожал плечами: – Никогда не слышал. Но кто такой генеральный директор – знаю.

– Какая-нибудь захудалая фирмочка – если генеральный директор ворует цветы в булочных.

– Какая разница... Может, он генеральный директор ларька с хот-догами. Что тебе еще нужно, намек – прозрачнее не бывает! Он явно не прочь встретиться.

Я саркастически усмехнулась:

– Если бы я тебя не знала, то решила бы, что ты сам не прочь с ним встретиться.

Райан засмеялся.

– Уверен, кое-кто из парней не отказался бы. Просто ты мне как сестра, и я вижу, как иногда на тебя смотрят.

– Как смотрят? – спросила я, прекрасно понимая, о чем он говорит.

– Как на серую мышку, которую на школьной вечеринке никто не приглашает танцевать.

– Я что, правда так жалко выгляжу?

Он мягко улынулся:

– Жалко? Конечно, нет. Но я терпеть не могу, когда ты такая. Слушай, ну закрути с этим чуваком! Ничего ж плохого не будет?

– Мало ли что – порежет меня на мелкие кусочки и засунет в морозильник. Или, может, у него коллекция чучел, и ему хочется ее пополнить!

Райан поднял глаза вверх и, видимо, представил себе обе картинки. Покачал головой:

– Ладно. Задам вопрос по-другому. Что-то хорошее может получиться?

Я усмехнулась:

– Он втайне от всех, по ночам, печет булочки, а рано-рано утром раздает их бездомным. Мы будем вместе делать печенье, и кормить друг друга с ложечки глазурью, и размазывать шоколадный сироп по всему нашему...

– Фу, какой ужас... Только не вздумай ему об этом сказать! Вообще никому не говори! А то придется дать магазину новое название – «Чокнутый пекарь»!

– Неважно. Я не собираюсь выпрашивать свидание. Пусть радуется, если я вообще позвоню.

Пару часов спустя, во время обеда, я склонилась над визиткой и аккуратно, по циферке, набрала указанный в ней номер на мобильнике. Я сидела в своей любимой кофейне. В Нью-Йорке кофейен великое множество, но мне нравилась только эта, потому что здесь каждый день мелом на доске писали новую ехидную надпись. Сегодня была такая: «Как сказал классик: *«Весь мир – театр... Расслабьтесь, вы в буфете»*»...

Я буквально вдавила телефон в ухо и, покусывая нижнюю губу, замерла в ожидании. Правая нога нервно приплясывала, вверх-вниз, вверх-вниз, как на автопилоте.

– «Галеон интерпрайз», – ответил женский голос с ленцой. Секретарша. Представляю, как она посмотрела бы на меня – сверху вниз, снисходительно.

– Пригласите, пожалуйста, Уильяма, – попросила я, стараясь говорить уверенно.

– Уильям... Уточните, будьте добры. Фамилия?

– Генеральный директор. Уильям Чамберсон.

Пауза.

– Вы просите переключить вас на Уильяма Чамберсона?

– Да, – уже более уверенно сказала я. – Он оставил мне визитку.

– Ммм, – протянула секретарша. – Оставил визитку. В самом деле? Чем это вы такая особенная?

Ничего себе нахальство! «Галеон» явно не ларек по продаже хот-догов, как мы с Райаном недавно шутили, иначе там не было бы секретарши. Но сколько спеси!..

– Возможно, я особенный клиент. И у меня заказ на миллион долларов.

Сердце колотилось как бешеное, щеки горели от негодования. От наглости секретарши так и захотелось пнуть что-нибудь. Где мой дурацкий старый учебник? Сейчас бы очень пригодился...

Еще одна пауза.

– В самом деле?

– Нет, но дело не в этом...

– В этом. То есть вы не клиент. Потому что Уильям дает женщинам этот номер телефона, когда хочет произвести впечатление. Сейчас я попрошу вас подождать, скажу ему, что вы на линии, а он распорядится повесить трубку! Ему просто нравится, что девушки за ним гонятся...

Она вздохнула:

– Подождите на линии.

Раздался щелчок, заиграла идиотская музыка. Я ждала, впериw взгляд в пустоту и постукивая ногой. Мелькнуло искушение – попросить Райана подменить меня да смотаться в этот «Галеон», чем бы он там ни оказался. Найти эту женщину. Может быть, у нее старый телефон-

ный аппарат со шнуром, тогда я ее этим шнуром задушу. А Уильяма – за его дурацкие игры – тресну по башке пресс-папье... Я вздохнула. Не буду я, конечно, душить секретаршу и бить Уильяма... Одно я знала совершенно точно: если он сейчас повесит трубку, гоняться за ним я не стану. Звонок – самое большое из того, что позволяло мое достоинство. Спасибо, и до свидания.

Музыка оборвалась, и в трубке еще раз щелкнуло.

– Вишенка? – Тот же глубокий голос... *Его голос!*

– Да, – выдохнула я.

Сердце бешено колотилось, меня распирало от гордости.

Ты сказала, трубку повесит? А вот ни фига!

Я поморщилась и отрицательно помотала головой.

– То есть нет. То есть я продала тебе вишневый пирог, но меня зовут Хейли.

– Ну что ж, Хейли. Сегодня я просто адски занят. Что только не приходится делать – спать на совещаниях, игнорировать звонки... все такое прочее. Сама понимаешь, генеральный директор. Если тебе хочется пообщаться, то у нас сегодня вечером маскарадная вечеринка, раскручиваем один фильм. Может быть, придешь? Скажи парням на входе, что ты – Вишенка, тебя пропустят. Ах да, твои цветы у меня в заложниках. Хочешь вернуть их – приходи.

Я начала что-то лепетать, однако он повесил трубку. Я уставилась на свой телефон, как будто у него только что выросли рога. Этот парень просто невыносим! И, конечно же, это знает. А еще знает, что невыносимо красив, поэтому ему все сходит с рук. Ну уж нет!

День шел своим чередом. А что, если и правда сходить на вечеринку? Эта мысль крепко засела у меня в голове. Райану я ничего не сказала, уж он-то постарался бы убедить меня идти. В этом я не сомневалась, какой смысл проверять?

Я ведь грустила о том, что жизнь проходит мимо? И вовсе не обязательно разыскивать там Уильяма! Надену шелковую маску, нарядное платье и прекрасно проведу вечер. Романтическое приключение! В кои-то веки мне выпал шанс поддаться порыву, сделать что-то неразумное... может, даже немного опасное! Пойти на эту вечеринку.

Глава 2

Уильям

У меня в кабинете есть тайное местечко, о котором никто не знает. Моему брату-близнецу Брюсу – как и я, генеральному директору – нравилось думать, что от него невозможно что-то утаить. Прости, Брюсик, но это – только мое.

Я подошел к книжным полкам у стола. Они смотрелись офигенно дорого и, черт возьми, так и стоили. Я целое состояние отвалил французенке-дизайнеру за то, чтобы она обставила кабинет! Не помню подробностей; кажется, я дал ей такую установку: «Кто бы сюда ни вошел, должен обосраться от восхищения».

Слава богу, у нее получилось.

Если бы эти стены могли говорить, они бы не удостоили вас беседой – настолько они были хороши. Даже не фыркнули бы в вашу сторону – много чести!

Я не читал ни единой книги из этого огромного стеллажа, хотя любую можно было достать без труда. К полкам крепилась лесенка на колесиках (особый заказ!), которая плавно перемещалась от нижних полок к верхним. После того как повесили жалюзи, я какое-то время так развлекался – прыгал на лесенку с разбега, чтобы прокатиться.

Я снял со стола стеклянное пресс-папье в форме глобуса и поставил на одну из полок. Снизу у него был магнит, который приводил в действие механизм потайной двери. После небольшого ожидания раздались тяжелые металлические щелчки, и дверь открылась.

Вот оно, мое тайное логово, логово злодея – прямо в кабинете. Изумительно! Мне нравилось называть это место «комнатой трофеев». Совсем небольшая по площади – к сожалению, пришлось ограничиться этим, ведь устроить такое у братца под носом можно было только тайно. А он бы заметил, если бы от кабинета отхватили слишком большое пространство. Этот уголок Брюс никогда не найдет.

Часть тайной комнатки занимали вещи, которые я... э-э... позаимствовал у собственного брата, зануды с ОКР. ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство. Может, никакого расстройства у Брюса и не было, но как тогда назвать его идиотское стремление ни на шаг не отступать от планов и графиков, все контролировать и во всем соблюдать идеальный порядок?

Комнатка имела вид художественной галереи: мраморные постаменты, стеклянные витрины, а в самом центре мой любимый экспонат – безукоризненно желтый банан. Я даже нанял химика, чтобы он изготовил специальный прозрачный лак для консервации. На кожуре банана надпись: «Брюс». Крупными буквами, черным маркером.

Я любовно провел рукой по витрине и улыбнулся.

Да, времени и денег у меня было хоть отбавляй. И нет, меня это не огорчало.

Да, проблемы тоже имелись, например, иногда я кое-что... присваивал. Некоторые называют это воровством. И нет, я не собирался с этим бороться.

Если бы я, как идиот, обратился к врачу, поставили бы диагноз «клептомания». Мне нравилось брать вещи; все началось еще в юности. Мы с Брюсом росли в бедности, то есть тогда этому было хоть какое-то оправдание. Однако в конце концов я понял, что беру вещи просто потому, что они мне нравятся, а не потому, что нужны деньги.

Мои странные маленькие сокровища приходилось прятать. Здесь, в потайной комнате, хранились самые классные трофеи. Банан Брюса (жемчужина коллекции!) и еще много всего. Полотенце – он завел себе специальное полотенце, чтобы вытираться после игры в сквош и потом свеженькому ехать в машине. Просто взбесился, когда не смог его найти! Его темные очки и – в рамочке – по одному носку от разных пар, я спер их у него из комода. Специально убедился, что от разных пар! Потом меня даже совесть мучила; Брюс чуть ли не оргазм испы-

тывает, если его день проходит точно по графику, а разные носки – это же у бедняги могло просто башку заклинить.

Да хрен с ним. Ему это только на пользу. Я родился на минуту и семь секунд раньше и считал себя старшим братом, а это определенная ответственность. То есть мне полагалось за ним присматривать. Обычно старшие братья считают это тягостной обязанностью, но если обязанность в кайф, кто же будет сетовать, что перетрудился?

Еще была куча степлеров – я брал их в офисе, в основном у тех, кто меня раздражал. У грубых официанток таскал шариковые ручки, а у одного придурка спер значок «Сдаю в переработку» – он носил его на рюкзаке. Чувак, тебе что, нечем больше гордиться?! Было искушение безо всякой переработки просто выбросить значок в мусор – так, для смеха, но привычка победила.

Не все попадало в коллекцию. Иногда я хватал что-то просто так, потом выбрасывал. Не возвращал: не хотел признаваться либо «намеренно проникать в чужие владения без ведома хозяина».

А вот свежее пополнение – ваза с цветами на мраморном постаменте у задней стены. Ее я прихватил сегодня утром в булочной. Ничего не мог с собой поделать – как кот, прищурился от удовольствия, глядя на этот экспонат. Все остальное я брал, потому что владелец хоть немного да разозлил меня. Восстанавливая равновесие во Вселенной, я всего лишь воздаю по заслугам. Или мне просто нравится злить неприятных людей.

Вазу я взял не поэтому.

Вишенка ничем меня не обидела. Наоборот, она мне понравилась! Ее окружала какая-то странная атмосфера – почему-то я вспомнил библиотеку. Скованность, неудовлетворенность, бестолковость и... чистота; мне захотелось подышать этой атмосферой, насладиться ею – в переносном, а может быть, и в прямом смысле.

Я чувствовал, что *сама она* – сексуальна, и это не скучный внешний глянец. На меня обычно клюют именно заурядные красотки, это как «Старбакс» привлекает девушек определенного типа. Такие куколочки Барби, что качают в спортзалах свои задницы и никогда не снимают темные очки, пока не намажутся кремом от солнца чуть ли не с 200-кратной защитой. Интересуются исключительно тем, что касается их лично. Так следят за собой и холят свое тело, будто это и есть их работа. Издалека посмотреть приятно, но – было дело, я встречался с такими девицами – все они одинаковые! Скучные. Предсказуемые. Пустые.

А эта девушка-пекарь... Чем-то она меня зацепила. У нее все на лице отражалось. Ей понравилась моя внешность, но она сразу поняла, что я засранец. А засранцу, скорее всего, не так-то просто завоевать ее расположение. Интересная задачка получалась. Ну, я и решился.

Оставил визитку – и тут же понял, что совершил отчаянный поступок. Обычно я дожидаюсь, когда женщина сама начинает напрашиваться на встречу, а с этой девушкой я все же решил сделать первый шаг. Понял: она не будет искать меня, если я не подам ей знака. Наверное, это мне в ней и понравилось. Я даже не стал играть в свою обычную игру – строгая секретарша и все такое, – я ответил на ее звонок!

Придет ли она сегодня на вечеринку? Если нет – я знаю, где ее найти. Хотелось увидеть ее еще раз; а может быть, я рассчитывал на что-то большее. Цветочки цветочками, а ягодку сорвать? Снять вишенку с торта. Или где там она у нее... Не будем уточнять. Вы же не настаиваете?

Глава 3

Хейли

Если вы в чем-нибудь сомневаетесь, то пару раз обязательно спросите себя: «Я правильно поступаю?»; так вот, сидя в такси по пути на вечеринку, я спросила себя пару тысяч раз. Две тысячи раз – согласна, это уже маразм, однако два раза точно было маловато.

Я хотела туда пойти! Очень хотела, чего уж там. Конечно, и упрямства, и гордости мне хватало, и, наверное, лучше было бы отклонить приглашение – доказать этому Уильяму, что я не из тех девушек, что бегают за смазливymi парнями. Но бог ты мой, меня первый раз в жизни пригласили на вечеринку. И потом, я всегда, *всегда* мечтала пойти именно на маскарад! Полускрытые лица, роскошные наряды... Толпа в масках, смокинги и шикарные платья; куда ни глянь, все сверкает – золото и серебро, стразы и блески. Волшебная сияющая ночь, прямо из голливудской сказки! И я навсегда сохраню воспоминание о ней – пусть останется ярким пятном на темном небе. Я смогу притвориться, будто тоже живу такой жизнью, что на самом деле течет вдалеке от меня; там воздух полон обещаний и любая случайность может стать судьбой. Невероятно прекрасной судьбой...

Вот эта мысль в конце концов и победила. Я принимаю эту сказочную ночь, огромное спасибо, Уильям, а сам ты будешь номер два. Такой была основная концепция, и я собиралась ее придерживаться.

После работы я пошла и купила себе недорогую экипировку. В комиссионке масок не нашлось, и я отважилась заглянуть в один из специальных магазинов, где продают карнавальные наряды; почему-то они работают круглый год, хотя я уверена: единственное, зачем туда заходят, – это купить костюм для Хэллоуина.

Девушка за прилавком осуждающе посмотрела на меня, когда я примерила маску. Наверное, вспомнила фильм «С широко закрытыми глазами» и подумала – маски только для оргий и покупают. Да пошла она! Я иду на крутую вечеринку, на которой будут вот так запросто разгуливать кинозвезды и миллиардеры. И, черт побери, насколько я знала, там никто не собирается скакать голышом и устраивать оргии. Хотя все это я уже в голове прокрутила... те самые две тысячи раз. Замечу хоть малейший признак чего-то непотребного – буду прорываться к выходу, пушу в ход каблуки, если не найдется оружия получше. Так что запасной план у меня был.

Я понятия не имела, что находится по адресу, который дал мне Уильям. Представлялось, что снаружи должен стоять мордovorот-охранник. А машина подъехала к самому обычному зданию в центре.

Я вышла из такси и огляделась. Десятый час. В Нью-Йорке улицы всегда многолюдны, независимо от времени суток, а к ночи и подавно. Тут же было довольно тихо. Я уж решила, что ошиблась, когда увидела, как неподалеку остановился лимузин и оттуда вышла небольшая группа: мужчины в костюмах, женщины в элегантных платьях. На всех были маски: у мужчин – простые, в стиле «призрак оперы» – закрывали только глаза и переносицу, у женщин – самые разные, с кружевами и перьями.

Я поправила на себе маску. Цена два доллара, никаких изысков – маска просто завязывалась сзади. Ну и что. Если богачи платят кучу денег, чтобы выглядеть бедными, то я знаю простой и недорогой способ: не хочешь смотреться миллионершей – вбухай все деньги в пекарню... прибыли как раз хватит оплачивать счета. Может, еще и останется на всякие глупости – еда, вода и прочее в этом роде.

Я приняла независимый вид и легкой походкой направилась к двери – будто я каждый день сюда прихожу. Главное – делать все уверенно; я насмотрелась фильмов об ограблениях. У

двери я оказалась раньше, чем эта группа из лимузина. Дернула за ручку, но дверь не поддавалась. Я быстро оглянулась через плечо, сверкнула улыбкой типа «*сколько ни прихожу, каждый раз так*» и дернула еще раз.

Опять без толку.

Отступила на шаг, всплеснула руками, нервно усмехнулась:

– Похоже, я рановато...

Кто-то из мужчин подошел к двери и *толкнул* ее. Дверь тут же распахнулась, и мне пришлось подождать, пока вся компания с самодовольным видом прошествует внутрь.

Я всех пропустила, выдохнула и мысленно нажала кнопку перезапуска.

– Ничего страшного, Хейли. Ты же в маске! Можешь хоть весь вечер дурака валять.

Как раз в этот момент мимо меня проходила пара, и они, наверное, слышали каждое слово моей мотивационной речи. Я похлопала себя по уху, изобразив, что разговариваю по беспроводной связи. Повернулась к ним, одарила улыбкой.

– Блютуз, – произнесла я уверенно. – Говоришь с партнером, а со стороны – как будто сам с собой!

Пара не обратила на меня никакого внимания и прошла мимо.

Черт, еще в дверь не вошла, а уже пользуюсь «перезапуском»...

Я *толкнула* двери и вошла.

– Говнюки, – сказала я дверям, убедившись, что на этот раз меня никто не слышит.

В тишине вестибюля каждый мой шаг звучал как выстрел – каблуки ужасно громко стучали по модному напольному покрытию.

Из-за небольшой стойки на меня глядела женщина, встречавшая гостей. Позади нее виднелась пара массивных дверей.

Те, кто шел впереди меня, назвали свои имена, женщина сверила их со списком и пропустила.

– Я приглашена, – произнесла я.

– Прекрасно, – отозвалась женщина.

Она была в обычном деловом костюме, без маски, то есть можно было не сомневаться – в ее глазах я выглядела полной идиоткой.

– Посмотрите в списке... Вишенка, – почти шепотом произнесла я.

Щеки пылали. Наверняка Уильям сейчас все это видит и хихикает. Если не видит, то представляет себе.

Женщина подняла бровь:

– Вишенка?

– Вы просто посмотрите... – Я изогнула шею, пытаясь заглянуть в список.

Она убрала его подальше – на всякий случай – и холодно посмотрела на меня. Но тут же с явным разочарованием хмыкнула:

– Ну проходите, *Вишенка*...

– Благодарю, – ответила я слегка развязно. – Я-то повеселюсь на вечеринке, а вы торчите себе тут за вашей дурацкой стойкой!

– Очень рада за вас, – сухо ответила женщина.

Поверить не могу, что опустилась до такого! Но честное слово, она была не меньшей стервой, чем секретарша Уильяма. А может, это она и была, вечеринка ведь корпоративная.

Я прошла за стойку к двери и тихонько попробовала потянуть ее на себя – убедиться, что эту дверь не надо толкать. Слава богу, она открылась. То, что я увидела внутри, превзошло все мои ожидания. Да уж, впечатляюще!

Шикарное помещение в стиле «лофт» – кирпич без штукатурки, открытые несущие балки, ультрасовременная мебель. Кованая винтовая лестница вела на второй этаж, в откры-

тый просторный зал. Дальняя стена была полностью стеклянная, с видом на Центральный парк и освещенный огнями горизонт. Великолепное зрелище!

В зале толпились гости – танцевали, смеялись, беседовали... Несмотря на маски, сразу было понятно, что здесь веселятся избранные. «Взрослая» версия школьной вечеринки, куда детишек приглашали только самых-самых – я на такие никогда не попадала.

Я смотрела на изысканно одетых людей в масках и думала – смогу ли узнать Уильяма? Сегодня утром я видела его всего несколько минут. Я изо всех сил старалась не сравнивать себя со всеми этими холеными женщинами с прекрасными телами. Уильям пригласил *меня*. Значит, что-то во мне ему понравилось! По крайней мере, так я себе говорила.

Музыка была достаточно ритмичная, чтобы танцевать, но не сильно заводная; в общем, самая подходящая для шикарной тусовки. Гости пили вино и шампанское из бокалов с длинными ажурными ножками. Кто-то танцевал, кто-то стоял и потягивал напиток или со смехом бродил по залу, перемещаясь от одной компании к другой. Куда ни глянь, все сверкало – маски, одежда, драгоценности. Именно так я себе все и представляла...

Надо попробовать раздобыть напиток – хорошо бы снять нервное напряжение! Оставалось только выяснить, где их берут.

В конце концов я набрела на бар, там стояли бокалы с шампанским. Я взяла бокал, подождала немного, огляделась и осторожно пригубила. Отлично! Никто не прибежал, не заорал на меня, не потребовал денег... *Один – ноль в мою пользу.*

С бокалом в руке я направилась к лестнице. Я еще не решила, стоит ли вообще разговаривать с Уильямом; да и сначала надо его узнать. Уже у лестницы я развернулась, и тут надо мной навис какой-то высоченный тип. Меня охватила нервная дрожь – а вдруг это Уильям?

Однако, разглядев подбородок, губы, телосложение, позу, я чуть не пошатнулась – что-то тревожное шевельнулось во мне. Я даже отступила на полшага. Нет, не Уильям...

– Нэйтан? – спросила я нерешительно.

Он ухмыльнулся. Другого ответа и не требовалось. Нэйтан Питерс, мой бывший парень... брр, вспоминать не хочется. Вот из-за кого я с удовольствием пинаю свой старый учебник! Сперва – скучноватый ухажер, а потом, когда он надоел мне до смерти и я с ним порвала... Знаете, как на афишах рисуют – маньяк преследует свою жертву! Боже, неужели он никогда от меня не отвяжется?

– Я думала, ты в Вермонте...

– Получил новую работу. Знал, что ты в этих краях, как же я мог с тобой не встретиться?

– Да легко! Если только ты опять меня не преследуешь... – Я старалась говорить спокойно, но внутри у меня все кричало.

– Хейли, я скучал по тебе. Нам же было офигительно хорошо вместе!

Я покачала головой. Слишком много всего и сразу... да и не собиралась я продолжать этот разговор. Все, проехали! Я попыталась обойти его и подняться по лестнице, но он схватил меня за руку.

– Хейли! Подожди. Я проделал длинный путь, чтобы поговорить с тобой. Сделай одолжение – выслушай меня!

– Нет! Никаких одолжений! Даже не хочу спрашивать, как ты, черт побери, пронюхал, что я здесь буду, или как ты сюда попал. Потому что спросить – значит показать, что мне есть хоть какое-то дело до тебя! А я просто уйду и обо всем позабуду!

– Это было нетрудно. Я знаю, где ты обедаешь; как-то раз случайно проходил мимо. Ты опустила голову и что-то разглядывала. Я посмотрел. У тебя в руках была визитка «Галеон интерпрайз», кто бы мог подумать... Вряд ли тебе по карману нанять маркетинговую компанию из топ-500. Ну и сложил два плюс два.

– И что, весь день за мной таскался? Следил, что я покупала шмотки для вечеринки, потом помчался и себе купил? Как тебя вообще пустили?

– Я же не ломился в парадную дверь – вошел через черный ход! – Он улыбался, будто ждал, что я сейчас заплодирую его гениальности.

Мой желудок как в узел завязался – эта давняя жуть снова проникала в меня, как яд, я даже испугалась, что меня сейчас стошнит.

– Нэйтан, давай по-хорошему. Ничего не выйдет. Забудь обо мне. Пожалуйста!

Как все это не вписывалось в мою волшебную сверкающую ночь...

Я хотела высвободить руку, однако он потянул сильнее, пытаясь привлечь меня к себе.

Какой-то мужчина отделился от компании рядом с нами, подошел и взял Нэйтана за запястье. И, наверное, хорошенько сдавил, потому что рука Нэйтона перестала сжимать мою.

– Есть правило, – произнес мужчина голосом, который я немедленно узнала, – если девушка сопротивляется, ее надо отпустить.

Я бы и так узнала Уильяма! Четкая линия подбородка, полные губы, взъерошенные волосы. Ошибиться было невозможно – моим спасителем был именно он.

– Есть другое правило – не суй нос в чужие дела, – поворачиваясь к нему, процедил Нэйтан.

Уильям был выше его на дюйм или два. Надо же, мне Нэйтан всегда казался ужасно высоким.

– Ни фиги себе, у парня мятные конфеты?

Уильям сделал замысловатое движение рукой и показал две конфетки, зажатые между пальцев.

Я не сообразила, в чем дело, пока Нэйтан не начал хлопать себя по карманам. Он свирепо глянул на Уильяма и попытался вырвать у него конфеты, однако тот сунул себе в карман.

– Слышь, ты, придурок, – сказал Нэйтан, – отвали, мне надо поговорить с моей девушкой! Конфеты, так и быть, можешь оставить себе.

– Твоей девушкой? – переспросил Уильям.

Он слегка повернул голову и в первый раз взглянул на меня. Его губы дернулись в еле заметной усмешке – меня приглашали в сообщницы.

– Тогда я должен признаться. Сегодня утром я ее... де-фло-ри-ро-вал. Ну да, и заплатил ей за вишенку. Между прочим, было очень вкусно.

И он слегка кивнул в мою сторону.

Я ужасно испугалась... но еле сдерживала смех.

Нэйтан вырвал руки и схватил Уильяма за лацканы смокинга. Уильям даже не вздрогнул. Просто стоял и смотрел на Нэйтана с той же спокойной, довольной улыбкой.

– Вообще-то... – Уильям выудил конфеты из своего кармана и засунул обратно в карман Нэйтана. – Ничего удивительного, что ты ими запасся.

– То есть? – спросил Нэйтан.

– Чтобы изо рта не воняло.

Сжав зубы, Нэйтан не сводил глаз с Уильяма – то ли собирался драться, то ли ломал голову, как ему выйти из положения.

– Да пошел ты, – сказал он наконец и отпустил Уильяма. – Послушай, Хейли, ты думаешь, раз я сюда пришел, значит, я тебя преследую...

– Я, конечно, не в курсе всей вашей истории, – прервал его Уильям. – Но ты сам сказал: «Раз я сюда пришел, значит, я тебя преследую» – похоже, так оно и есть.

– Тебя, придурок, никто не спрашивает, – огрызнулся Нэйтан. Затем повернулся ко мне: – Понимаешь... я скучаю по тебе! Знаю, паршиво у нас все вышло... и все же надеюсь, ты дашь мне второй шанс.

– Ну сколько можно об этом говорить? – Я чувствовала себя совершенно опустошенной.

– Отвали, маньяк! – Уильям толкнул Нэйтана плечом. – Ты тут уже выступил с пламенной речью... Девушка явно не хочет сейчас с тобой разговаривать. У нее есть твой номер телефона, если передумает – позвонит. А сейчас – вали.

Нэйтан пытался сопротивляться, однако Уильям оттеснил его от меня и жестом подозвал охранника, чтобы тот проводил Нэйтана к выходу.

Мне оставалось только стоять и смотреть. Не верилось, что Нэйтан явился сюда только за своим вторым шансом. С Уильямом тоже непонятно: с чего это он решил вдруг поиграть в рыцаря в сияющих доспехах?

Уильям вернулся через несколько секунд и отвесил мне легкий поклон.

Во мне вдруг проснулась странная энергия – что-то озорное, веселое. Наверное, это всегда было во мне и только ждало случая освободиться. Судя по всему, маска не помогла. И Нэйтан, и Уильям сразу меня узнали, хотя в маске я все-таки чувствовала себя другой – более свободной. Улетучилась нервозность... из-за мягкого шипения пузырьков в бокале? Хотелось забыть о неприятном разговоре и все еще хотелось, чтобы этот вечер остался сказкой. Никакой Нэйтан не отнимет его у меня! Почему бы не повеселиться?

– Гордишься собой? – сказала я и сама удивилась – так уверенно прозвучал мой голос. – Устроил тут игру в рыцаря... Хрен знает зачем.

Уильям улыбнулся:

– Хрен не знает... Он разве принимал участие в споре?

Я невольно скользнула глазами вниз, к его талии – и тут же, сделав над собой усилие, перевела взгляд на белую маску, закрывавшую верхнюю часть его лица.

– Образно выражаясь, – произнесла я, – да. Вот опять – не можешь без пошлых шуточек. Прямо как подросток! За экзамен на зрелость я бы тебе тройку поставила.

Он ухватил бокал с подноса проходившего мимо официанта и протянул его мне.

– Тройка – это много.

– А с воровством не собираешься завязывать? Или тоже – слишком хорошо о тебе думаю?

– Именно так.

Я не смогла удержаться от улыбки. Уильям вовсе не собирался оправдываться! Обычно такая беззастенчивость раздражает... а также бестактность, развязность – сколько грехов сразу! Но он в них упорствовал, и это выглядело скорее забавно, даже мило. Мне нравилось, как он переворачивает фразы и превращает разговор в игру. В этом было что-то от флирта, что-то очень... сексуальное.

Я посмотрела на бокал, который он мне подал, и поняла, что где-то оставила свое шампанское. В этом бокале было красное вино; обычно я не пью красное, у меня от него болит голова, и все же я решила сделать исключение. В конце концов, если шипение пузырьков придало мне столько смелости, то кто знает, какие могут случиться чудеса, если я немного выпью.

Я сделала глоток и приподняла брови в приятном удивлении.

– Нравится? – спросил он.

– Очень. Только пить с кем попало приходится...

Уильям театрально схватился за грудь:

– Выстрел в сердце...

– Неужели?

Он слегка пожал плечами, с той же едва заметной довольной улыбкой, которая как бы говорила: наш разговор – игра. В маске он, без маски – все равно сразу видно, что этого парня ничто не волнует всерьез. Никакие заботы, никакие проблемы. Я почти завидовала ему. Вот бы мне так же легко ко всему относиться!

– У тебя острый язычок... А интересно, на вкус он тоже острый? Перченый? – спросил Уильям. – Или сладкий, как твой вишневый пирог?

– Тебе понравилось? – спросила я.

Он упомянул пирог, и у меня тут же из головы вылетело, что мы просто болтаем, и это явный флирт с его стороны. Я же прежде всего пекарь, и меня, конечно, больше волновало его мнение о моих пирогах, чем какие-то опасные повороты разговора.

– Сладкий, но чего-то не хватает.

У меня замерло сердце. Я наработывала рецепт годами, опробовала столько сочетаний разных ингредиентов, способов приготовления... Неужели ему не понравилось? Для меня это было хуже любого оскорбления.

– Чего? – спросила я.

Притворная выдержка, будто карнавальная маска, мигом слетела с меня.

– Ну, – сказал Уильям, – нужно класть больше... соды?

Вид у него был самый серьезный. Мое сердце успело один раз глухо стукнуть, и тут по его губам опять расплзлась знакомая улыбка.

Улыбаясь, я уперлась рукой в бок.

– Соды для выпечки?

– Ну да. Для выпечки. Без соды нельзя!

Я подняла бровь:

– Немедленно подниму по тревоге профсоюз пекарей. Вот это прокол! А мы-то везде дрожжи пишаем...

– Дрожжи?

– С дрожжами тесто подходит... пузырится. Большие такие пузыри – углекислый газ выходит.

– Пузырь пузат. Пузырь из газа. Кто-то сразу, кто ни разу... – забормотал он скороговоркой.

– *Что?*

– Я сказал, что ты ни разу не скучная...

Он что, дурачится?

Уильям вздохнул, похлопал себя по подбородку. Он как будто наблюдал за мной и что-то отмечал про себя.

– То есть? – спросила я. – Что ты так на меня смотришь?

– Пытаюсь тебя понять, Вишенка. Шаг за шагом.

– Я Хейли. Что ж, попробуй понять меня всю, флаг в руки! Скажи, когда закончишь, и мнением поделись. Может, мне будет полезно.

– Кое-что, Вишенка, я уже понял... – Он мягким быстрым движением взял бокал из моих рук, сделал глоток и вернул его мне. – Извини. Чужое всегда кажется вкуснее, правда?

– Пожалуй, – кивнула я.

Что-то я снова начала нервничать... Уильям превращал разговор в поединок, и я все больше осознавала, что он полностью управляет ситуацией. Мне не нравилось это молчание – тишина казалась еще опасней, в тишине много значат взгляды и жесты, а я уже убедилась – он может многое сказать лишь малейшим подрагиванием губ. А его пронзительные глаза... Надо заполнить паузу.

– Мы в школе, бывало, покупали друг у друга блюда от обеда, – произнесла я, вроде как отвечая на его вопрос. – На вес золота были конфетки «Эйрхед». За одну штучку – получай что угодно. Даже целую тарелку куриных наггетсов с картофелем фри. Особенно ценились беленькие такие, с необычным вкусом. Те, что ты выменял, были гораздо вкуснее, чем если бы тебе их мама дала.

– Беленькие – со вкусом сахарной ваты? Что же в них необычного?

Черт, какой вкус был у этих беленьких? Может, и сахарная вата... Забыла.

– Так, значит, ты пытаешься меня понять? – напомнила я.

Мне отчаянно хотелось знать, что он обо мне думает, хоть я и боялась услышать что-то не очень приятное.

– Да, и пополняю список твоих качеств. Вот только что добавил: «любит прерывать драматические паузы в разговоре».

Я покраснела.

– А я и не поняла, что это была драматическая пауза.

– Плюс «отсутствует элементарная наблюдательность», – произнес он сухо и очень серьезно – будто диктовал секретарю.

– Эй! – Я засмеялась и шлепнула его по руке.

И тут же поспешно убрала руку – сообразила, как это выглядело. Мой смех быстро увял. Уильям будто не заметил моей реакции и продолжал смотреть на меня из-под маски, проницательно прищурив синие глаза – как на объект исследования.

– Плюс «применяет физическое насилие»...

– Давай лучше о достоинствах – если не хочешь, чтобы я вино тебе за шиворот вылила!

– Достоинства? К сожалению, это закрытый раздел списка. По крайней мере, до тех пор, пока он не закончен. И до тех пор, пока у меня не будет возможности оценить *все* твои достоинства, в том числе скрытые от посторонних глаз.

Я вспыхнула.

– Видела бы ты сейчас свое лицо... Вот теперь я знаю, почему тебя зовут Вишенкой. Когда ты злишься, щеки у тебя именно такого цвета.

– Меня *никто* не зовет Вишенкой. Только ты. Сколько раз повторять, я Хейли!

– Тогда постарайся не выглядеть так восхитительно, когда злишься. А то так и хочется тебя спровоцировать!

Мои и без того красные щеки запылали еще сильнее. Я уже собиралась ответить ему, но тут к нам подошли мужчина с женщиной и остановились рядом с Уильямом. Маски скрывали лица, однако я переводила взгляд с незнакомца на Уильяма и не верила своим глазам: они были одинакового роста и телосложения, те же рот, подбородок и даже уши! Единственная разница заключалась в прическе – у незнакомца волосы были аккуратно подстрижены и уложены, а на голове Уильяма царил тот же художественный беспорядок, который я наблюдала сегодня утром.

И еще из нагрудного кармана незнакомца торчал белый шелковый носовой платок – никогда не могла запомнить, как он называется.

– Мучаешь девушку?

Очень похоже на голос Уильяма, только серьезнее и холоднее. Как-то строже.

Уильям представил нас друг другу:

– Вишенка, это мой брат Брюс. Мы близнецы, но я родился на несколько секунд раньше. То есть я старший брат – умнее, сильнее и лучше во всем.

– Если верить статистике, ты просто раньше умрешь, – ласково сказал Брюс.

– Наташа. – Женщина мило улыбнулась и протянула мне руку.

На ней было великолепное белое платье, простое и одновременно очень элегантное. Мне всегда хотелось такое. Несмотря на бесподобное платье, эффектную внешность и тот факт, что брат Уильяма обнимал ее за плечи, она умудрялась выглядеть скромной и доброй. И сразу мне понравилась.

– Хейли. – Я пожала ей руку. – Уильям зовет меня Вишенкой и думает, что это остроумно.

– Как я тебя понимаю, – сказала Наташа. – Мне столько раз приходилось терпеть его плоские шуточки! Ему бы только свободные уши – лапшу развешивать!

– Эй! – Уильям улыбался, но она явно уязвила его. – Это мои-то блистательные остроты – лапша? О господи, Наташа, ты стала такой же бесчеловечной, как Брюс. Даже обидно!

– Ой... – Ее улыбка дрогнула. – Я не хотела...

– Наташа, не извиняйся, – вмешался Брюс. – Эго Уильяма выдержит столько ударов, сколько удастся нанести. Выживет! К сожалению...

Уильям развел руками:

– Похоже, я попал под тройной прессинг. Позвольте заметить, что один член вашей команды что-то слишком много болтает. Я про член моего брата.

– Член разболтался – это не про меня. Кое-кому эта изысканная метафора больше подходит, – серьезнейшим тоном произнес Брюс, однако его глаза весело блеснули.

Я подавилась смехом. Уильям вдруг опустился на колени перед Брюсом, затем встал, засовывая что-то в карман. Я не уловила, что он сделал, но когда я снова взглянула на Брюса, в его нагрудном кармане не было белого носового платка.

– Что ж... – Уильям потянулся и притворно зевнул. – Кстати, о членах. Разве ты не должен сейчас встречаться с Мистером Толстосумом?

Брюс вздохнул:

– Не дай бог он услышит, как ты его называешь!.. Обидится и уйдет из наших клиентов. Ты это понимаешь?

– Понимаю, но отказываюсь называть его иначе.

– Кто бы сомневался!.. Пойдем, Наташа. Мне действительно надо отыскать мистера Паккарда. Рад был познакомиться, Хейли, – вежливо кивнул мне Брюс, и они с Наташей от нас отошли.

– Так, понятно. Ты – злобный близнец, а он...

– А у него ОКР. Человек-робот, ледяная глыба. Нужен лед – подойди, надави как следует и подставляй контейнер ему под задницу, выдаст кубиками. Может, только не очень правильной формы.

Я удивленно рассмеялась:

– Необычный образ.

– Добро пожаловать в мир моих образов.

Уильям достал из кармана белый шелковый платок и высморкался, хотя ни малейших признаков насморка я у него не заметила. Чуть улыбнувшись, посмотрел на платок и бросил его на пол.

– Зачем же было брать? – спросила я.

Он вроде как немного смутился – наверное, думал, я не заметила, как он взял платок.

– Ну, не все попадает в коллекцию.

– Что за коллекция?

Он раздумывал.

– Своеобразный зал славы. Будешь хорошо себя вести, как-нибудь покажу.

– Как-нибудь, – произнесла я задумчиво. – Можно подумать, ты какие-то планы на мой счет строишь... Мне вычеркнуть все свои дела из графика?

– Вычеркни ночи.

Я прикусила губу.

– Ты всегда так делаешь?

– Откровенные намеки хорошеньким девушкам? Обычно нет.

Моя бабушка говорит – если кто-то делает тебе комплимент, не надо спорить. Иначе не дождешься следующего. Поэтому я взяла себя в руки и постаралась поверить, что он действительно считает меня симпатичной – ага, особенно среди всех этих роскошных женщин... Я улыбнулась. Что же, пускай.

– Понятно. А эти хорошенькие девушки, которым ты *обычно* не делаешь намеков насчет секса... Как они поступают, когда все же получают такой намек?

– Видишь ли...

Уильям шагнул ко мне, и остатки моей уверенности и самообладания мгновенно улетучились. Его близость была ошеломляющей. *Поглощающей...*

– Мне по фигу все остальные девушки и вообще все, что происходило вплоть до «здесь и сейчас». А здесь и сейчас имеет значение одна-единственная вещь.

– Какая? – выдохнула я.

– Вот эта девушка, – сказал он.

Уильям замолчал и не сводил с меня глаз. Губы его были полуоткрыты. Исходящие от него волны сексуальности накрывали меня с головой и возбуждали в теле каждый нерв.

– Которую я наконец встретил... Она немного нервничает. Пытается язвить. Огрызается!

– Ужасная девушка. – Я едва смогла выговорить это, нет – прошептать, потому что губы пересохли и горло тоже.

– Ужасная. Мне никогда такие не нравились, но эта... эта – нравится.

– Наверняка она польщена...

– Ты польщена?

– А я тут при чем?

Он усмехнулся:

– Ты хочешь, чтобы я написал? Ладно, сделаю одолжение.

Уильям поднес указательный палец к моей ключице, низкий вырез платья ее не скрывал. Прижал палец к коже. Меня пробрала дрожь, побежали мурашки. Он начал водить пальцем, очерчивая какую-то линию. Не знаю, что это было... Я видела только его задумчивые синие глаза с длинными ресницами, соблазнительные полные губы. Мне жгло кожу там, где он прикасался ко мне, я не слышала ни музыки, ни шума толпы.

Уильям убрал палец и вопросительно посмотрел на меня:

– Вот. Я написал. Так понятно?

– Что? – спросила я.

Как-то я не уловила, что он там писал...

Он пожал плечами:

– О женщины! Им буквально пишут на груди, а они все равно не понимают. Ну, сама виновата...

– Эй, – сказала я, слегка улыбнувшись. – Напиши еще раз!

– Не-а. Бонус сгорел!

Я уперла руки в бедра – жест не из моего арсенала, но Уильям меня задел.

– Что ж, сгорел так сгорел.

– Ага... Пить хочется. Пойду украду что-нибудь покрепче.

– Украсть не получится, напитки бесплатные! – напомнила я ему.

– Какое простодушие, – мечтательно произнес Уильям. – Вишенка, кража – это вопрос контекста. Не волнуйся, скоро я тебя всему научу.

С этими словами он и удалился, оставив меня ломать голову – что, черт подери, он имел в виду?

Прошло не больше секунды, и какая-то женщина мягко коснулась моего плеча кончиками пальцев. Она была невероятно хороша собой, никакая маска не могла бы скрыть такую красоту. Лицо сердечком, пленительный изгиб губ, большие зеленые глаза с длинными ресницами; тело, о котором мог бы мечтать сексуально озабоченный скульптор, нет – целая команда таких скульпторов! Небрежным движением незнакомка откинула черные как смоль волосы; этот жест говорил: «Ты и мизинца моего не стоишь».

– Привет, – сказала я.

– Прости, если напугала, – промурлыкала она.

Улыбка ее была довольно любезной и в то же время почему-то сексуальной. Вроде бы эта красавица и располагала к себе, и все же что-то подсказывало – с ней нужно быть осторожной!

– Я Зои Паркер. Можно сказать, президент клуба бывших девушек Уильяма Чамберсона.

– О, – произнесла я. Что тут ответишь?

– Не волнуйся – я не собираюсь ни ревновать, ни угрожать. Я по-дружески... Представляю, каково тебе. Уильям легко дает обещания. Убеждает, что он отличный парень, даже если немного грубоват. Соблазняет, получает то, что хочет, и идет дальше. Все это он проделал с нами, и с тобой будет то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.